

Светлана Лаврова

Год свирепого цыпленка

Автор — лауреат
премий «Книгуру»,
«Заветная мечта»,
«Книга года»

Светлана Аркадьевна Лаврова

Год свирепого цыпленка

Серия «Шляпа волшебника»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8070317

Год свирепого цыпленка / Светлана Лаврова.: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-101946-4

Аннотация

Пятиклассник Ванечка ищет вампира. Вампир ему нужен по уважительной причине – Ваню обижают одноклассник. А вот станет Ванечка сам вампиром – и сразу победит обидчика и заодно остальные свои проблемы решит. Глупый способ, да, конечно. Но получается, что Ваня ищет не только несуществующее мифическое существо, но и свой путь в жизни. Ему помогают библиотекарь-кошка (немного оборотень, но слегка), древнее ископаемое трилобит, шестиклассник Егор, давно и тщетно пытающийся выследить привидение, дядя Гена из уголовного розыска и даже целый детский театр. А мешают хулиганы с крыши развалин больницы и неизвестные преступники из темного переулочка, которые куда опаснее выдуманных вампиров.

А как же свирепый цыпленок? Он тоже ищет свое место в мире. Но если у Вани в конце концов все получается, то у цыпленка победы пока нет. Потому что не всегда в жизни все

выходит, как нам хотелось бы. Но он не сдаётся. Потому что каждый должен найти свой путь.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	44
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Светлана Лаврова

Год свирепого цыпленка

Светлана Лаврова

Год свирепого цыпленка

Серия «Шляпа волшебника»

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

На обложке использована иллюстрация *Натальи Гурковой*

В книге использованы графические работы *Елены Станиковой*

© Светлана Лаврова, текст 2017

© Елена Станикова, иллюстрации, 2017

© Наталья Гуркова, иллюстрация на обложке, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Создание героя

Была зима. Она была уже месяц, да и сейчас есть. Начи-
нался год Петуха. Поэтому тридцать первого декабря народ
не ел жареных кур, чтобы Петух не обиделся. А с первого
января начал есть. Видимо, рассудил, что после праздни-
вания новогодней ночи Петуху уже все равно.

– Я бы убил этих Кузнецовых, – сказал Антон.

– Я бы их палкой побила, – сказала Катя.

– Я бы на них КамАЗом наехал, – сказал Антон.

– Я бы их посадила на кнопку и сверху прижала холодиль-
ником, чтобы не откнопились, – сказала Катя.

– Я бы их покусал, – сказал Антон и, подумав, уточнил: –
Если бы был бешеной собакой.

– Я бы... я бы... – Катя ничего больше придумать не могла
и всхлипнула. – Если бы их не было, мама с папой не ушли.
И мы бы вместе встречали Новый год.

Да, родители ушли встречать Новый год с давними-пре-
давними друзьями Кузнецовыми. Они каждый год так ухо-
дили, уложив детей и пообещав им утром подарки и пир го-
рой. Антон и Катя привыкли, потому что были маленькие.
А в этом году они стали большие. И им стало очень плохо –
без мамы с папой какой Новый год?..

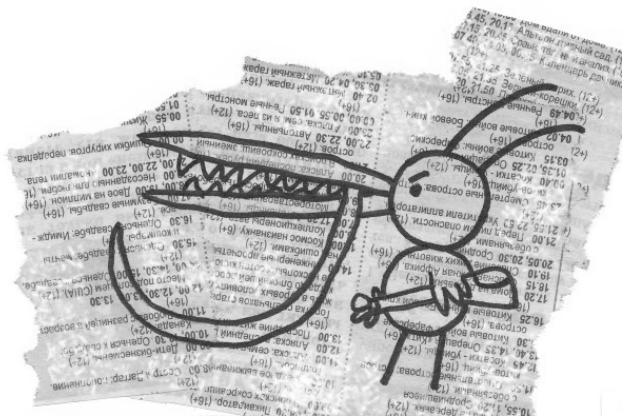
– Только не реветь, – сказал Антон. – Лучше давай еще какое-нибудь страшное наказание для Кузнецовых придумаем. Пусть их петух заклюет. Тот самый, которого год начинается.

– Только пусть у петуха будет длинный клюв, – потребовала Катя. – Чтоб им больно было.

– Ладно, – согласился Антон. – Сейчас я нарисую. Только не петуха, а цыпленка. Петуха я не умею.

Он нарисовал на полях газеты, развернутой на «Программе телепередач», два маленьких кружка. Потом поставил их на две тонкие палочки – это цыпленок на ножках. В середине верхнего кружка поставил точку – глаз и пририсовал длинный-предлинный клюв. Клюв занял все свободное место, продлился на напечатанную «Программу на 1 января», насквозь пронзил фильм «Ирония судьбы» и уткнулся кончиком в интервью с президентом. Внутри клюва Антон нарисовал много зубов. Цыпленок сразу стал похож на крокодила.

– Он загрызет Кузнецовых! – обрадовалась Катя.

Антон нарисовал висящие из клюва две кривые загогулины.

– Это подпорки? – предположила Катя. – Чтоб клюв не обломился?

– Это бивни, как у мамонта, – объяснил брат и пририсовал цыпленку рога.

– Он их забодает! – восхитилась Катя, почти совсем утешившись. – А что у него еще есть?

Антон нарисовал у цыпленка под крылом пулемет. Но он не очень хорошо рисовал предметы, и оружие вышло похожим на какой-то страшенький скукоженный цветочек.

– Ничего, – сказал Антон, – это новая модель. А к хвосту прицепим водородную бомбу, да, Кать? Кать? Катя!

Катя спала, неловко скрючившись в кресле. Свирепый рогатый цыпленок с пулеметом забрал ее злость и обиду, и усталая девочка тут же заснула.

«Надо бы дотащить ее до дивана, – подумал мальчик, зевая. – У нее внутри все слипнется, оттого что она так криво спит».

Он попробовал поднять сестру, но та оказалась неожиданно тяжелой. Наверное, много съела новогоднего торта.

– Ну и ладно, – вздохнул Антон и закрыл глаза.

Мама и папа пришли уже около шести утра, веселые, взбудораженные, с полной сумкой подарков – Антону и Кате от семьи Кузнецовых.

– Так и заснули сидя, – умилилась мама.

– И совсем на нас не обиделись, что мы их бросили в новогоднюю ночь, – сказал папа. – Замечательные у нас дети.

Все понимают.

На столике белел забытый газетный листочек с программой. Свирепый цыпленок с рогами и пулеметом грустно смотрел куда-то в сторону.

Потом, когда мама и папа пошли спать, цыпленок шевельнулся раз, другой... отклеился от газетного листочка... труднее всего отклеивались бивни, они были слишком длинные и ткнули в нос какого-то политического деятеля из заметки на обратной стороне газеты. Наконец цыпленок отделился полностью. Он был легкий и плоский, и немного ажурный из-за тонких ножек, тонких рожек, тонких бивней и тонкого зубастого клюва.

Открылась форточка. Морозный воздух прынул в комнату мощно и свежо. Цыпленок подпрыгнул на тоненьких ножках и взлетел. Не сам, конечно – это поток воздуха поднял его, покругил по комнате и вынес в форточку.

Свирепый рогатый цыпленок полетел над городом, мутно и тяжело засыпающим после новогодней ночи.

Глава 2

Вампир из 5 «Б»

Ванечка решил уйти в вампиры. У него просто не оставалось другого выхода. Во всех вампирских романах написано, что в вампирном состоянии вампиры сильнее людей. В обычном невампирном состоянии Ванечка Егулова никогда не побьет. Егулов был его выше почти в два раза. А кулаки Егулова были в три раза больше Ванечкиных кулаков. Егулов был гад. Он Ванечку пинал, тряс, ронял с лестницы, отбирал ранец и прятал куртку, чтобы тот подумал, что ее украли, и заплакал. Егулова Ванечка ненавидел так, что аж белел, когда о нем думал.

Вот только не надо думать, что Ванечка все покорно сносил. Один раз он ткнул Егулова карандашом в живот. Он как раз послушал на уроке про то, как Пушкина ранили в живот, и он умер от перитонита. Пусть Егулов тоже умрет от перитонита. Но живот у Егулова был твердый, как в бронежилете. А что, может, он носил под рубахой бронежилет и оттого был храбрый, что ему ничего не грозило. Хотя бронежилет – штука толстая, в нем Егулов казался бы распухшим. А он казался стройным и красивым, гад. Скорее всего, это не бронежилет, а мифрильная кольчуга, как у Фродо из «Властелина колец».

Сейчас Егулов лежал в больнице со сломанной ногой – за две недели до новогодних каникул прыгнул на спор со второго этажа. Спор выиграл, но ногу сломал. Ванечка был счастлив две недели. Но Елена Алексеевна сказала, что на Егулове все хорошо заживает, и после праздников он вернется в класс. Итак, за новогодние каникулы Ванечке надо было стать вампиром, чтобы укусить Егулова и выпить всю его кровь. Пусть-ка Егулов без крови походит, так ему и надо. Фу! У такого гада кровь наверняка невкусная и отравленная. Ничего, Ванечка все продумал – он будет отравленную егуловскую кровь выплевывать.

Так же безнадежно обстояли дела с Лизаветой-ябедой. Ее тоже побить не получалось. Почему-то все вокруг утверждали, что девчонок бить нельзя. Интересно, почему это? Чем девчонки от мальчишек отличаются? Руки-ноги у них в том же количестве, глаза-носы-уши тоже. Ростом они выше мальчишек, по крайней мере в их 5 «Б». Пинаются и толкаются так же, щиплются больше, дразнятся обиднее – почему их нельзя бить? Лизавету-ябеду точно можно. Она все время жаловалась: «А Сокольский меня толкнул!», «А Сокольский у меня в тетради начеркал!», «А Сокольский ко мне пристаёт!». Врет! Очень надо у нее черкаться и тем более приставать. Один раз Лизавета вообще подло поступила: она подложила ему в ранец шоколадку. Шоколадка растаяла и размазалась по «Математике», аж вся «Математика» слиплась. И «Естествознание» тоже запачкалось, но меньше. Из-за «Ма-

тематики» Ванечке ужас как от учительницы досталось, за неуважение к предмету. Хотя, на Ванечкин взгляд, шоколад как раз знак уважения, а из неуважения он бы чем похуже «Математику» обмазал, например овсянкой. А Вера Валентиновна за «Естествознание» не ругалась, только головой покачала и сказала: «Проголодался? Ничего, скоро перемена и обед». Но Лизавета все равно вредина. Очень она Ванечку раздражала, и побить ее было бы полезно для «мирового благополучия», как говорит папа.

Ванечка спросил у папы, почему нельзя бить девчонок. Папа подумал и сказал:
– Я раньше тоже понять не мог, а потом понял, когда в

институте изучал культуры диких народов. Это табу. Такой священный запрет, идущий с древних времен. Если его нарушить, боги разгневаются и страшно накажут все племя.

– То есть если я побью Лизавету-ябеду, то боги накажут весь наш 5 «Б»? – уточнил Ванечка.

– Наверное, да, – неуверенно ответил папа. – Так верили древние народы. Потому что в совсем уж стародавние времена был матриархат. Это когда командовали женщины, а не мужчины. А мужчин никто не уважал. Потом мужчины возмутились, все переделали и стали главными в мире. А от времен матриархата остался запрет-табу: девочек (как высших существ) бить нельзя.

– А Егулов бьет девочек, – вспомнил Ванечка.

– Вот боги и наказали ваш 5 «Б», – пробормотал папа.

Ванечка кивнул. Он понял, что папа имел в виду новую математичку.

Математичку тоже надо было укусить. С ней-то точно больше никак справиться было нельзя. Против нее даже Егулов ничего не мог сделать.

– Папа, почему она такая несправедливая? – жаловался Ванечка. – Мы с Никитой одинаково задачу решили. Потому что друг у друга списали. И одну и ту же ошибку сделали. Так Никите тройка, а мне двойка!

– Расслабься, Иван, все нормально, – обнял его папа. – Ты гуманитарий, а она технарь. Вы – существа разной породы. Гуманитарий – это человек, которому хорошо удается рус-

ский, литература, география, история, иностранные языки. А технарь любит математику и физику. Вы с Адой Эдуардовной никогда не поймете друг друга. У меня тоже математика не ладилась, и моя учительница математики говорила, что я ни на что не гожусь и кончу жизнь под забором.

– Под каким забором? – не понял Ванечка.

– Не знаю, какой забор она предназначала для этой цели, – пожал плечами папа. – Лично я бы предпочел ограду Летнего сада в Петербурге, хотя до него далеко ехать. Пришлось просто назло моей учительнице стать кандидатом наук и доцентом в институте.

Ванечка знал, что папа теперь пишет докторскую диссертацию на тему «Межполушарная асимметрия пространственной синхронизации биоэлектрической активности головного мозга при симптоматической эпилепсии». Ванечка долго это название учил, чтобы небрежно так вставлять в разговор – собеседники просто выпадали. Ванечка вообще к папиному мнению очень прислушивался. Поэтому, когда на следующий день математичка Ада Эдуардовна спросила: «Сокольский, почему ты такой тупой, это очень простая задача», Ванечка ответил:

– Я не тупой. Я гуманитарий, а вы технарь. Мы разной породы. И никогда не пойдем друг друга.

Что тут было! Ванечка предпочитал не вспоминать подробности. Он сразу понял, что Алла Эдуардовна обиделась на «технаря», потому что в детстве мечтала стать гуманита-

рием, а у нее ничего не получилось. Теперь Ванечке надо было срочно сделаться вампиром – желательно до первого урока математики после каникул.

Немного смущало то, что все авторитеты утверждали: если вампир укусит человека, то тот тоже станет вампиром. Ванечка хорошо подготовился и много книжек про вампиров прочитал, и интернетные источники тоже, так что в теории разбирался. Но если Ванечка-вампир укусит Егулова, Лизавету-ябеду и учительницу математики и они станут вампирами, то что же, все сделаются коллегами и будут работать в одной бригаде? Нет, спасибо, не подойдет. А загрызть их до смерти Ванечка не хотел. Это нехорошо все-таки.

Но с этой проблемой можно разобраться потом. А пока надо срочно найти вампира для укушения Ванечки. И Ванечка начал собирать информацию.

Глава 3

Из бивней можно сделать крылья

Ветер поднял нарисованного цыпленка довольно высоко, покружил над проводами и с размаху прилепил над карнизом, где дремал старый воробей Осип. Осип проснулся, приоткрыл один глаз и посмотрел, что это тут рядом с ним прошепестело.

– Э-э-э... здравствуйте, дорогие телезрители, – робко сказал цыпленок.

– Ну допустим, – согласился Осип и приоткрыл второй глаз. – А ты кто такой?

– Я цыпленок, – представился цыпленок. – Свирепый и с рогами.

– А чего ты такой плоский? На тебе кошка посидела?

– Нет, я... э-э-э... таким уродился.

– Это экология, – глубокомысленно сообщил Осип и закрыл первый глаз. – Надымили везде заводами, навоняли машинами. Вот и рождаются все напрочь плоские.

Цыпленок не знал, что такое экология, но спорить не стал. Он еще не очень хорошо разбирался в мире, только знал про телепередачи, фильмы и немножко про политические новости. Потому что его на газете нарисовали: как раз с одной стороны «Программа телепередач», а с другой – «Визит ми-

нистра иностранных дел во Францию».

– Ося, с кем ты опять знакомишься? Ося, как не стыдно! – послышался визгливый голос, и из-под крыши вылезла воробыха. – Ося, я на минуточку отвернулась, а ты уже беседуешь с какой-то мятой туалетной бумажкой! Разве приличные воробьи так себя ведут?

– Здравствуйте, мадам, международное положение осложняется, – сказал цыпленок, вспомнив визит министра во Францию. Воробыха попятилась и от неожиданности сказала «чвяк» вместо «чирик».

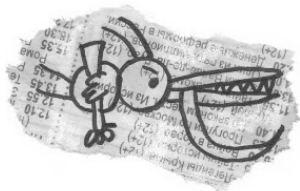
– Видны позитивные сдвиги в экономике, кризис идет на спад, – попытался успокоить ее цыпленок. Осип закрыл второй глаз и притворился спящим.

– Ося, где ты подобрал этот кошмар? – воскликнула воробыха.

– Я не кошмар, я цыпленок, – поправил цыпленок. – Кошмар – это на улице Вязов в кино.

– Тебе наврали, – возразила воробыха и клюнула его точно в пулемет. – Цыплята такие не бывают. Я девушкой жила в деревне и видела цыплят. Они на воробьев похожи, только желтые и глупые.

– Боюсь, я тоже не очень умный, – потупился цыпленок. – Меня только ночью нарисовали. Новости в мире искусства. Портрет Дориана Грея.

Видны позитивные
сдвиги в экоэкономике
кризисе идет на спад.

– А зубы! – воскликнула воробьяха и всплеснула крыльями. – Почему у тебя такие большие зубы?

– Чтобы съесть тебя, дитя мое, – сказал Осип и приоткрыл один глаз.

– Не подсказывай, – отмахнулась воробьяха. – Пусть сам отвечает.

– Не знаю, – огорчился цыпленок. – Информационный кризис тяжело ударил по русской интеллигенции.

– Вот видишь! А рога! Когда я девушкой жила в деревне, такие рога были у козла Макара! А вниз что такое торчит?

– Бивни, – сказал цыпленок, все больше расстраиваясь. – Они, когда рисовали, сказали, что это бивни.

– Нет такого слова «бивни», – решительно возразила воробьяха. – Когда я девушкой жила в деревне, там ни у кого бивней не было. Даже у председателя.

Цыпленок не знал, что такое председатель, и опять промолчал. Осип приоткрыл второй глаз, посмотрел на бивни и сказал:

– Из этих бивней можно сделать крылья. Если ими махать, будет неплохой подъемный эффект. А то крылья у тебя, считай, никакие.

– Ося, не вмешивайся, у нас серьезный разговор, – перебила воробыха. – А тебе бы все пустяки.

– Летать – не пустяки, – буркнул Осип и закрыл оба глаза.

– И что же делать? – спросил цыпленок.

Воробыха задумалась.

– Тебе надо искать своих, – сказала она. – Таких же плоских и страшненьких. Одному в жизни не пробиться, только стаей.

– И тренироваться махать бивнями, – сказал Осип и приоткрыл один глаз.

– Ося, успокойся немедленно! У тебя давление! Ты разволнуешься, и будет что?

– А что? – спросил Осип и приоткрыл второй глаз.

– Насморк! – с торжественным ужасом изрекла воробыха. – От давления бывает насморк! Если сильно давить, конечно.

Осип закрыл первый глаз, а вторым подмигнул совсем сбитоному с толку цыпленку.

– Не дрейфь, пацан, пробьемся, – сказал он. – Посиди пока с нами, а как совсем рассветет, полетим в одно место. Там

много таких, как ты, – плоских и с рогами.

Он закрыл оба глаза и подвинулся на карнизе, загородив дышленка от ветра.

Глава 4

Поиски начинаются

Подготовку к уходу в вампиры Ванечка начал еще до каникул. Первым делом он спросил о вампирах Елену Алексеевну, их «классную». Она вела русский язык. Ванечка Елену Алексеевну очень уважал за то, что у нее интересные уроки были и она про каждую несчастную приставку рассказывала так, будто это не приставка, а королева Франции Анна Австрийская. И она очень нестрашно и редко ругалась, а если уж ругалась, то на Егулова, что Ванечке тоже очень нравилось. И в компьютерных играх разбиралась – Ванечка сам видел, как она однажды на контрольной, когда все писали, играла в «Майнкрафт» на своем айфоне, а поймав Ванечкин взгляд, быстро выключила.

– Елена Алексеевна, у вас случайно нет знакомого вампира? – спросил Ванечка.

– Нет, – развела руками Елена Алексеевна. – А что, должен быть?

– Ну, у вас же много учеников и всяких друзей, – пояснил Ванечка. – Вдруг кто-нибудь немножко вампир?

– А тебе зачем? – заинтересовалась Елена Алексеевна.

Ванечка, конечно, не признался, что собрался в вампиры. Он сказал:

– Для научного интереса. Вот папа у меня кандидатскую диссертацию защитил и теперь докторскую пишет: «Межполушарная асимметрия пространственной синхронизации биоэлектрической активности головного мозга при симптоматической эпилепсии». Я тоже буду ученым и сейчас начну изучать вампиров. Как длина клыков влияет на эту... укусообразность и кровеотсасываемость.

– Ох, – сказала Елена Алексеевна. – Ты знаешь, Ваня, лучше выбери другую тему. Вампиров нет. Это сказки.

– В мифах разных народов встречаются вампиры, – ответил подготовленный Ванечка. – Что же, они все врут?

– Нет, не врут, но ошибаются, – поправила Елена Алексеевна. – Вампиры – это сказочные существа, как русалки и водяные. Ты же не веришь в русалок?

Ванечка промолчал. Он один раз у бабушки на даче видел в речке русалку, правда мельком. Она ему ужас до чего понравилась, аж у него внутри организма что-то зашебуршилось и защекотало – такая русалка была! Не то что эта вредная Лизавета-ябеда.

– Спасибо, – вежливо сказал Ванечка Елене Алексеевне. – Жалко, что у вас нет друзей-вампиров.

– Мне ничуть не жалко, – засмеялась Елена Алексеевна.

Вторым номером в Ванечкином плане поиска вампиров стояла мама. Потому что мама работала учительницей биологии и по профессии обязана была разбираться во всяких живых существах.

– Мама, я бы хотел посмотреть на живого вампира, – попросил Ванечка вечером.

Мама на кухне терла морковь. Она была вегетарианкой. Вегетарианцы – это люди, которые не едят мясо, потому что всякое мясо было когда-то зверюшкой и бегало по полям или летало по небу, и есть их жалко. Мама же биолог, и всех зверей и птиц знала очень хорошо.

– Это просто непорядочно – есть своих знакомых, – объясняла она. – Это все равно, как если Ванечка придет в школу и скажет: «Елена Алексеевна, я вечером ел такую вкусную колбасу из Ады Эдуардовны!» Ой, Ванька, не слушай, как-то я плохо пошутила.

– Ты не права, солнышко, – говорил папа. – Ты всякие травки-деревья тоже знаешь по именам, но капусту и морковь все-таки ешь. И ты же биолог, понимаешь, что растения тоже живые и им так же больно, когда их срывают, как коровам, когда их убивают.

– Живые, – согласилась мама. – Но не такие умные и даже совсем глупые. А раз дураки, то сами виноваты, и я их съем.

– Ну не знаю, – возразил папа. – По-моему, пятисотлетний дуб, под которым собирались стрелки Робин Гуда, гораздо интеллектуальнее курицы, выведенной в инкубаторе и ничего в жизни не видевшей умнее электрической поилки.

Ванечка не любил такие разговоры – ему было жалко и курицу, и корову, и мамину морковь, которой, оказывается, тоже больно. Но вообще ничего не есть он не мог. Хорошо,

что мама не требовала от остальных быть вегетарианцами, и папа с Ваней ели нормальные котлеты – правда, магазинские, чтобы не травмировать нежную мамину душу изготовлением еды из Настоящего Мяса Настоящих Животных. А если они хотели мяса, то шли к бабушкам. У Ванечки было две бабушки, и обе нормальные насчет покушать. Но вернемся к вампирам.

– Вампир? – удивилась мама и даже морковку отложила. – С чего это вдруг?

– Просто интересно, – неискренне сказал Ванечка.

– Можно, конечно, – задумчиво сказала мама, что-то вспоминая, – позвонить Светке...

– Тетя Света – вампир?! – восхитился Ванечка. Тетя Света была врач и мамина подруга.

– Нет, – засмеялась мама и опять взялась за морковку. – Хотя у нее для этого все условия в операционной... Фу, Ванька, не слушай, я нехорошо сегодня шучу. Просто Света рассказывала про каких-то своих пациентов. Имен, конечно, не называла, это нельзя, но болезнь я помню – порфирия. Именно больных порфирией называли вампирами.

– Что? – удивился Ванечка. – Расскажи, мам! При чем тут болезнь?

Мама опять отложила морковку.

– Порфирия – это наследственная болезнь, – сказала она. – При ней повреждается ген, ответственный за формирование эритроцитов... ну, если попроще, то кровь получа-

ется плохая, некачественная. У нас с тобой и остальных здоровых людей кровь переносит кислород и питательные вещества к клеткам организма... клетки вы проходили?

– Проходили, – кивнул Ваня. – И про эритроциты я в «Почемучке» читал еще в шесть лет, так что рассказывай, я все понимаю.

– Ага, отлично. У больных порфирией некачественная кровь не может нормально переносить кислород и питательные вещества, и все в организме нарушается. В темноте еще ничего. А при солнышке у больных образуется «неправильное» вещество, оно отравляет организм. Поэтому больные порфирией не выносят солнца. Это «неправильное» вещество повреждает кожу, разъедает мышцы и сухожилия. Если не лечить, получается ужас что такое. Кожа у них бледная, сухая, покрытая язвами. Пальцы скрючены, как изогнутые пальцы с когтями у вампиров в фильмах ужасов. Язвы уродуют нос и уши, и лицо делается похожим на звериное. Кожа вокруг губ и слизистая десен высыхают и разрушаются, и зубы кажутся больше, и рот красноватый, будто окровавленный. Эти люди бледные (кровь-то нехорошая, не очень красная), вялые днем и более активные ночью. И что получается?

– Вылитый вампир, – кивнул Ваня. – А кровь они пьют?

– Раньше пили. В средние века про эритроциты и слыхом не слыхивали, но все равно интуитивно люди чувствовали, что что-то не так с их кровью. Больные пытались пить кровь животных, но это не помогало – из желудка чужие эритро-

циты не проходят в кровеносные сосуды больного. И что подумал бы средневековый крестьянин, встретив бледного человека с окровавленным ртом, торчащими зубами, кривыми пальцами, да еще и прячущегося от солнечного света? И пьющего кровь какой-нибудь курицы?

– Он бы заорал: «Вампир!» и убежал, – согласился Ванечка.

– Да, а еще бы он сказал: «Их тут целая семейка!» Потому что порфирия – наследственное заболевание, то есть им болеют семьями. Таких людей жгли на кострах, как вампиров, а они просто болели.

– И тетя Света лечит таких вампиров? – уточнил Ванечка.

– Нет, их в других больницах лечат. Теперь им делают спе-

циальные уколы, и больные порфирией выглядят как здоровые люди, только немного бледные. И кровь они не пьют, и днем могут работать – обычные люди. К Свете просто как-то направили такого пациента по другому поводу – исключить опухоль. Позвонить Свете?

– Не надо, – грустно ответил Ванечка. – Это не настоящие вампиры. Мне надо таких, какие в «ужастиках» и компьютерных играх. Которые взаправду кровь пьют.

– Это как раз настоящие вампиры – которые болеют порфирией, – обиделась мама за своих вампиров. – А остальные – выдуманные. И вообще, Ванька, кыш с кухни, а то я никогда не дотру эту несчастную морковку, не поужинаю и умру от голода! Тебе это надо?

– А ты съешь сосиску, – посоветовал Ванечка. – Папа говорит, в ней мяса вообще нет, он специально купил самые дешевые сосиски, чтобы ты могла их есть. Там только «ароматизаторы, идентичные натуральным».

Он увернулся от летящего в него маминого кухонного полотенца и со смехом выскочил из кухни. «Не те вампиры, – подумал он. – Это ничего. Раз есть неправильные вампиры, то где-то есть и правильные. Надо просто хорошо поискать. Лучше я спрошу у Маркизы».

Глава 5

Странное место

– Это здесь, – сказал Осип.

Они еле добрались. Очень трудно лететь на бумажных крыльях, даже помогая себе бумажными бивнями. Хорошо хоть ветер дул примерно в нужную сторону.

– Это что? – спросил цыпленок, глядя на красивый желтый особняк с белыми колоннами. Сбоку от колонн в нишах чернели отрубленные человеческие головы.

– За что их так? – опять спросил цыпленок. – Голова профессора Доуэля. Убийство на улице Морг. Чисто английское убийство.

– Это специально, чтобы воробьям удобно было сидеть, – объяснил Осип, приземляясь на макушку черной кучерявой головы с бакенбардами. – Видишь, ниша прикрывает от снега и ветра.

– Сидеть немножко скользко, – заметил цыпленок, пытаюсь закрепить на левом ухе головы. – Агент 007 высадился на побережье Антарктиды.

– Скользко, это они не продумали, – согласился Осип. – Тут хороший дом, внутри тепло и просторно, и можно летать, сколько вздумается. А маленькие люди радуются и кричат: «Воробей! Воробей!» – и кормят конфетами. А большие

люди открывают форточки, чтобы я мог вылететь, когда захочу. Приятное место. Оно специально для воробьев сделано, чтобы погреться и побыть в приличном обществе. Там в одной комнате много таких, как ты, под потолком висит. Передохнул? Полетели внутрь.

Цыпленок вспорхнул с чугунного бюста великого поэта и взял курс за Осипом.

– Окно закрыто, – удивился Осип. – Странно. И тихо как-то. Ничего, это только спереди пластиковые окна плотно закрываются, а сзади дома окна старые, много щелей. Ты легко пролезешь.

Они облетели здание, Осип выбрал подходящую щель в разошедшей раме на задней стороне дома.

– Вот тут лезь, – скомандовал он. – Там твоя стая. А я домой. А то жена будет беспокоиться. Она у меня нежная, ранимая.

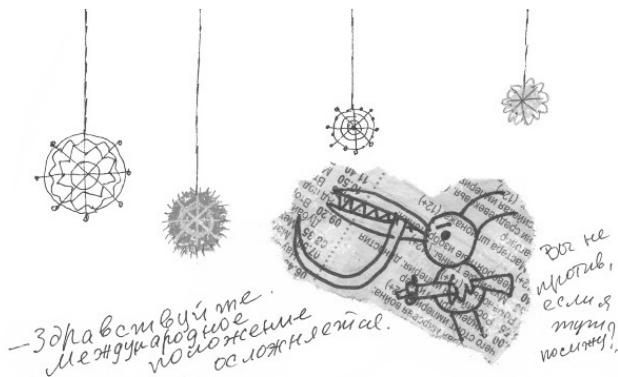
Цыпленок немного испугался – жутко лезть в незнакомый дом, но другого выхода он не видел. И проскользнул внутрь.

Комната показалась совершенно не похожей на ту, в которой Антон его нарисовал. Она была больше и выше, и по стенам стояли такие ровные штуки... в общем, не похоже, и все. И никого, ни души! Цыпленок, конечно, не знал, что первого января детская библиотека не работает из-за Нового года. В одном зале с потолка свисали на ниточках существа, действительно похожие на цыпленка, – плоские, округлые, с разлапистыми выступами – то ли рожки, то ли ножи,

то ли бивни. И размер почти совпадал. Цыпленок аж замер: плоских существ было много, и лезть к ним – боязно. Вдруг они агрессивные? Вдруг забодают своими рогами? Или укусят белыми ровненькими зубчиками, вырезанными по краям лапок?

Он присел на угол шкафа с книгами. Совсем рядом висело одно существо с шестью рогатыми ножками. Существо молчало, только чуть покачивалось на ниточке – приземляясь, цыпленок произвел небольшое движение воздуха своими крыльями.

– Э-э-э... – робко начал цыпленок. – Здравствуйте. Международное положение осложняется. Вы не против, если я тут посижу, пока обстановка не стабилизируется?

Бумажная снежинка молчала. Не из невоспитанности, а по уважительной причине. Цыпленок-то Антон нарисовал на газете с программой, где всякие умные мысли пишут и где разговорчивые дикторы ведут интересные телепередачи, вот он и получился говорящий. А снежинку и ее подруг вырезали из абсолютно безмозглых бумажных салфеток. С такими предками умом не блеснешь.

– Вас как зовут? – попытался наладить контакт цыпленок. – Моего знакомого воробья зовут Осип. Президента США зовут Обама. Меня никак не зовут. А вас?

Снежинка молчала, тупо подрагивая на нитке. «Я ей не нравлюсь, – вздохнул цыпленок. – Ну хоть не кусается. Может, с другими лучше пойдет».

Весь день он летал между снежинками и пытался завести знакомство. Но те упорно молчали и отворачивались, когда он задевал их крылом. Цыпленок совсем пал духом и очень устал, бумажные крылышки ослабли с непривычки. Наконец отчаявшийся цыпленок совершенно обессилел и упал в корзину картонной Красной Шапочки, стоявшей на абонементе младшего школьного возраста. Там лежал картонный пирожок и кусочек масла. По крайней мере на коробочке было написано «Масло сливочное», чтобы все поняли, что это именно масло, положенное по тексту сказки. А пирожок был не подписан – наверное, его и так должны были узнать, хотя он почему-то был ярко-красный и в горошек. Цыпленок, с опаской глядя на ослепительный «пирожок», прислонился к

«кусочку масла» и решил немного отдохнуть. А что потом делать – потом и решим. Тем более уже стемнело: на Урале первого января ночь приходит очень рано. А если честно, то она окончательно и не уходит весь день и висит над городом в виде противных темно-серых сумерек, слегка подсвеченных снизу белым снегом, а сбоку – фонарями и окнами домов.

Итак, наступила ночь.

Глава 6

Маркиза и мамонт

В давние-предавние времена, когда Ванечка был еще маленький и только учился говорить, он никак не мог произнести имя бабушки, папиной мамы, а звали ее Эвелина Арнольдовна. Поэтому он звал ее баба Эва. Бабушка сказала, что ей нравится такое имя, потому что Эва – это получается сокращение от слова «эволюция». А эволюцию она всю жизнь очень уважала.

Баба Эва работала палеонтологом. Палеонтология – это наука, которая изучает животных и растения, вымершие миллионы лет назад. От них остались только отпечатки на камнях и окаменевшие остатки. Ванечка раньше не мог понять, как это – отпечаток на камне. Он летом специально аж полчаса лежал на каменной плите с надписью «Героям пятилеток» – и ничего от него не отпечаталось. Видимо, плита была слишком твердая. Но баба Эва объяснила, что когда эти вымершие раковины или черви ползали по камню, он был не камень, а песок или ил. А потом уже этот ил окаменел вместе с отпечатком. Это «окаменение» длилось миллионы лет, так что ее драгоценный внук вряд ли дождется, когда окаменеет отпечаток от его тушки на песочке пляжа. Ванечка все равно отбежал в сторону, где никто не ходит, и как следует отпеча-

тался на песке всем своим организмом. А потом к отпечатку пририсовал два хвоста. Пусть-ка палеонтологи будущего помучаются: «человек двуххвостый» – это подвид «человека разумного» или просто инопланетяне прилетели позагорать в Бобровку?

Потом, когда Ванечка вырос и выучил буквы, он однажды заглянул в книжку, которую читала мама. Он успел разобрать по слогам только одну фразу: «Маркиза Эвелин изысканно протянула графу тонкую руку для поцелуя, а граф яростно схватил...» Тут мама увидела, что читает ее ребенок, «яростно схватила» книжку не хуже того графа и сказала, что это для взрослых. Ванечка особо и не рвался выяснять, что именно «яростно схватил» граф, но оценил словосочетание «маркиза Эвелин». Это же как раз про бабу Эву! И руки у нее тонкие! Непонятно, что означает слово «изысканно», но, видимо, что-то связанное с сыском, поиском. А баба Эва как раз ищет окаменевшие остатки животных, ездит в экспедиции... точно это про нее! И стал звать бабушку Маркиза Эвелин, а потом просто Маркиза.

– Какая же я маркиза? – удивлялась баба Эва. – Всю жизнь мотаюсь по экспедициям, дымлю, как паровоз, стрижка короткая.

– Ты изысканная, – настаивал Ванечка, и баба Эва сдалась и сделалась Маркизой. Ее даже сын и невестка стали так называть, а потом и студенты, которым она лекции читала в институте.

– Привет, Маркиза! – сказал Ванечка, входя в бабушкину квартиру. – Фу, как воняет!

Бабушка курила много, сизый дым висел под потолком, сигаретный пепел оседал на окаменелостях, разбросанных по большой пустой квартире. Бабушка называла этот пепел «пыль тысячелетий», делая вид, что сигареты тут вообще ни при чем.

– Я проветривала, – оправдывалась бабушка. – Я знаю, что курить вредно.

– Тогда почему куришь? – спросил внук.

Маркиза подумала и сказала:

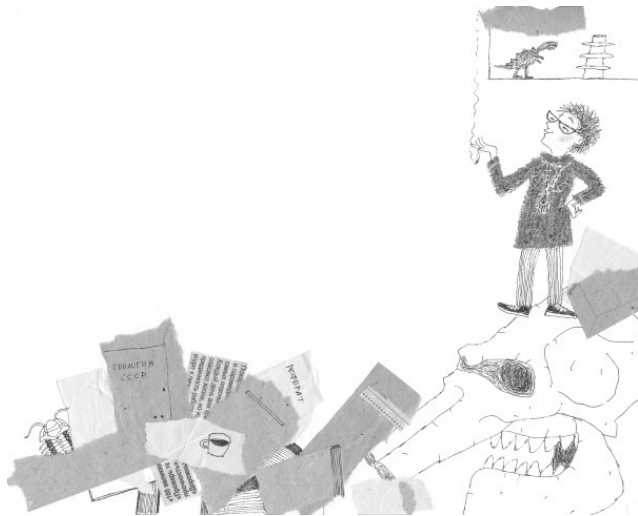
– А я тоже вредная. Так на так выходит. Позвонил бы, что придешь, я бы твое любимое мясо в кляре стоговила. А теперь только говяжье рагу. И тушеная капуста.

Маркиза знала про вегетарианскую диету и не одобряла ее. Поэтому обычно держала в холодильнике что-нибудь очень мясное, если сын или внук неожиданно забегут. Они недалеко жили и ходили часто.

– Рагу годится, – согласился Ванечка. – А капусту не надо, вместо нее можно простой колбасы, я не гордый. Маркиза, у тебя нет знакомого вампира?

Бабушка задумалась.

– Только комары, – сказала она. – И то не здесь, а в последней экспедиции. Мы в Красноуфимском районе копали трилобитов нижнего пермского, так комаров было куда больше, чем трилобитов. Ужас какие вампиры.

Маркиза специализировалась на трилобитах. Эти странные зверюшки, похожие на жуков размером от таракана до кастрюльки, вымерли двести пятьдесят миллионов лет назад и ничего интересного, на Ванечкин взгляд, собой не представляли. Но Маркиза их обожала, могла говорить о них часами, рисовать их, рассказывать о них анекдоты. Всяких там мамонтов и шерстистых носорогов она презирала и говорила, что сами дураки, раз вымерли, надо было лучше уворачиваться от копий первобытных охотников. В коридоре у нее лежал череп мамонта, совершенно пыльный, несчастный и неуважаемый. Ванечка, когда приходил в гости, первым де-

лом этот череп гладил и жалел. На черепе горой громоздились тома «Геологии СССР» – они не помещались на полке, а мамонт им был в самый раз. Под мамонтом валялся потерявшийся два года назад Ванин носок. За череп Маркиза запихивала студенческие рефераты, чтобы, когда они накопят^{ся}, Ванечка их в макулатуру сдавал. ефеРефераты – это длинные-предлинные контрольные, их студенты пишут-пишут, а преподаватели читают и в макулатуру сдают.

Вообще у Маркизы везде по квартире были раскиданы камни, кости, красивые спирали аммонитов, плоские плитки с отпечатками папоротников, окаменевшие морские ежи без колючек, похожие на каменные кривые дырявые мячики, они взаправду назывались неправильными ежами. Ванечка любил это все рассматривать и представлять, что будет, если все эти окаменевшие зверюшки вдруг оживут.

Елку Маркиза тоже нарядила «по специальности». Она взяла позвонок первобытного бизона и воткнула в него плечевую кость пещерной гиены. Потом повесила на торчащие в стороны отростки позвонка шарики, на плечевую кость натянула верхушку и обмотала все сооружение мишурой. Большого, с кулак, окаменевшего трилобита из ордовикских сланцев Центрального Уэльса Маркиза нарядила Дедом Морозом – натянула красный колпачок ему на каменную глабель (так у трилобитов называют голову). Ванечка с этой елкой сфотографировался и ВКонтакте выложил, и теперь весь класс ему завидовал и еще несколько ребят с Камчатки, из

Калининграда и парень из Осло. Ваня от такого смешного названия долго веселился – надо же, Осло, назвали город в честь осла!

– Мне Васька звонил, – сообщила Маркиза. – Ему на рецензию принесли статью «Самоорганизация в неравновесных системах – от диссипативных структур к упорядочению через флуктуации». Ты чего-нибудь понял?

– Нет, – честно сказал Ваня. Васька был Маркизин знакомый профессор, ее ровесник.

– Я тоже, – кивнула Маркиза. – Подозреваю, что Васька тоже, но он клянется, что все понял и рецензию написал. Врет, конечно. Он еще в пятом классе был врун. А теперь профессор. Хочешь посмотреть нового трилобита? Средний девон!

– Красноуфимский? – со знанием дела спросил Ванечка.

– Темнота деревенская, какой в Красноуфимске девон! Там несчастные останки пермского, когда трилобитов уже почти и не осталось. Этот из Марокко. Васька летал в Марокко, и ему там подарили. А я себе нагло выпросила, пользуясь полувековой дружбой. Видишь, какой красивый! С рогами! *Syrphaspis* по-латыни.

– Нету же рогов, – не понял Ванечка, рассматривая маленький овальный камешек со знакомым тройным членением и поперечной насечкой.

– Иван, не позорься! Вот тут были рожки – видишь почеркушки? Почитай Ричарда Форти.

Маркиза отобрала недооцененного Ванечкой трилобита и пошла к письменному столу – положить новенького на видное место. По пути она зацепилась подолом за валяющуюся перед пылесосом бедренную кость шерстистого носорога.

– Тьфу, зараза, – обругала она носорога. – От этой ледниковой фауны одни неприятности. Выкинуть надо, да жалко.

– Я думаю, бабушка, что твоего какого-то любимого предка шерстистый носорог забодал на охоте, – предположил Ванечка. – Или мамонт затоптал. И ты это помнишь генетической памятью – той, которой помнят прошлые жизни. Поэтому ты не любишь ледниковую фауну – всех этих мамонтов, носорогов, большерогих оленей.

– Большерогих оленей я не то чтобы не люблю, я их жалею и рыдаю над их горькой судьбой, – поправила бабушка. – Это ж надо – носить на голове рога шириной четыре метра! Все равно как если бы ты носил твердую каменную шапку-ушанку, и уши от нее торчали бы на метр вправо и на метр влево. И снять бы ее было нельзя, и спал бы ты в ней, и ел бы в ней!

– Есть бы не получилось, – возразил Ванечка. – Голова перевесит, и носом в еду ткнешься. Кстати, о еде. Где твое рагу-то?

– Сейчас подогрею. – Маркиза развернулась к кухне. – И что бы там ни говорил Васька, специализирующийся как раз на ледниковой фауне, большерогие олени вымерли с радостными воплями: «Ура! Отмучились! Отмучились!» Иван, сними со стула этих пелициподов и садись обедать.

Ванечка убрал со стула какую-то каменюку и сел. Мясо было вкусным до невероятия, колбаса не хуже.

– Ванька, скажи честно – зачем пришел? – спросила Маркиза. – Ни в жисть не поверю, что соскучился. Мы только что Новый год вместе встречали. Салат «оливье» без колбасы – фу, гадость. Может, ты зашел поесть?

– Соскучился, – с набитым ртом сказал Ванечка. – И поест. А главное – мне срочно нужен вампир.

С Маркизой можно было не притворяться и ничего не объяснять, она и так все понимала.

– Честно, никого не знаю, – задумалась она. – Даже подозрений ни о ком не имею. Может, оборотень сгодится? Про одного нашего ассистента нехорошие слухи ходили. Он в полнолуние как раз диссертацию защищал.

– Нет, оборотни – не то, – отверг оборотня Ванечка. – Все знатоки пишут, что превращаться в волка очень больно. А я даже прививки не люблю.

Маркиза не стала смеяться, что Ваня боится уколов, и не стала воспитывать, что мужчине это стыдно. Она опять подумала.

– Есть одна ведьма, – неуверенно проговорила она. – Мужиков привораживает. Наши бабы на кафедре болтали. Со всем не подойдет, да? Даже не знаю, Иван, чем тебе помочь.

– Ты поспрашивай у своих, – попросил Ваня, доедая мясо. – Все-таки образованные люди, в институте работают.

– Я еще у студентов поинтересуюсь, – хихикнула Марки-

за. – Вот будет радость для ребят: доктор наук, завкафедрой ископаемых беспозвоночных Сокольская ищет вампира для домашних надобностей.

– Спасибо, бабушка, – с выражением поблагодарил Ванечка. – Ты круче всех!

И пошел домой. И только подходя к своему подъезду, понял, что Маркиза не задала совершенно естественный вопрос: а зачем тебе вампир?

Глава 7

Сколько полночей бывает в библиотеке?

Цыпленка разбудил свет. В темноте ночной библиотеки он показался ослепительным, хотя на самом деле был совсем не ярким. Длинный призрачный лоскут света висел перед цыпленком, и что это означало – совершенно непонятно. Свет немного напоминал человеческую фигуру: по крайней мере сверху у него было что-то круглое, вроде головы, а сбоку что-то длинное, вроде рук. А внизу все было размазано и колыхалось.

– Здравствуйте, – сказал цыпленок. – Наши телезрители интересуются: как вы поживаете? Насколько затронул кризис самые незащищенные слои населения?

Светящаяся фигура вскинула руки к голове – это должно было означать отчаяние, но цыпленок не понял.

– Как она может поживать, если она полтора года лет как померла, – проворчал совсем рядом чей-то голос.

И цыпленок увидел огромное серое чудовище с зубами... ой-ой, какие зубы! По сравнению с ними беленькие бумажные зубчики у него в клюве выглядели жалко. А клочья серой шерсти дыбом! А хвост, голый, облезлый, он шевелился позади чудовища, и это почему-то было невыразимо мерзко.

Про таких животных в «Программе телепередач» ничего не писали.

«Это, наверное, Международный Терроризм, – подумал в ужасе цыпленок. – Самое страшное чудовище из моей телепрограммы. Я его примерно так и представлял: огромный, жестокий... Вот только насчет хвоста сомневаюсь».

– Международный терроризм становится реальной политической силой, – сказал он дрожащим голосом.

– Да ну? – удивилось животное. – Кошмар. Это кто такой?

– Где? – не понял цыпленок.

– Да этот, который силой становится.

«Значит, это не он», – с облегчением подумал цыпленок и пояснил:

– Он всех убивает. Власть страха. Монстры на свободе.

– Ничего себе! – возмутилось животное. – А наши что же?

«Ага, оно за нас!» – совсем обрадовался цыпленок и общил:

– Люди доброй воли дают отпор агрессору.

– Это правильно, – одобрило животное. – Мы все время кому-то отпор даем. Вот когда я была молоденькая, то охотники давали отпор мамонтам.

– Поднимай выше! Как библиотечарша Марина!

Мамонты вообще прекрасно поют, особенно в хоре, но я выделялась своим талантом даже на их фоне. Все пещерные львы и шерстистые носороги собирались меня послушать.

– «Фабрика звезд», – сказал цыпленок. – «„Голубой огонек“ собирает друзей».

– Да, у меня было много друзей, – вздохнула крыса. – И не голубых, а нормальных. Эх, молодость, молодость... а ты кто? Ты не мамонт явно.

– Мамонты давно жили, – сказал он. – Миллионы лет назад. Вам столько лет нету.

Животное довольно ухмыльнулось и лапкой пригладило шерстку на лбу.

– Ну да, – сказала оно. – Я хорошо выгляжу. Диета и гимнастика – и женщина даже в зрелых годах будет... того. А я сейчас самая красивая крыса в этой библиотеке.

«Значит, это называется „крыса“, – понял цыпленок. – Не знаю, про крыс в программе телепередач не было. Может, их просто не хотели под Новый год показывать, чтобы настроение зрителям не портить. И в визите министра во Францию крысы тоже не участвовали, поэтому я о них ничего не знаю»,

– И что, вы видели живых мамонтов? – уважительно спросил цыпленок.

– Я сама в молодости была мамонтом, – сообщила крыса.

– Так они же большие! Под потолок! – не поверил цыпленок.

– Я тоже была большая, – сказала крыса. – А потом простудилась в ледниковый период, долго болела, а медицина какая была в каменном веке? Почти никакая. Я стала мельче, хвост облез, хобот отвалился при насморке, голос пропал... а как я пела! Как я пела в молодости!

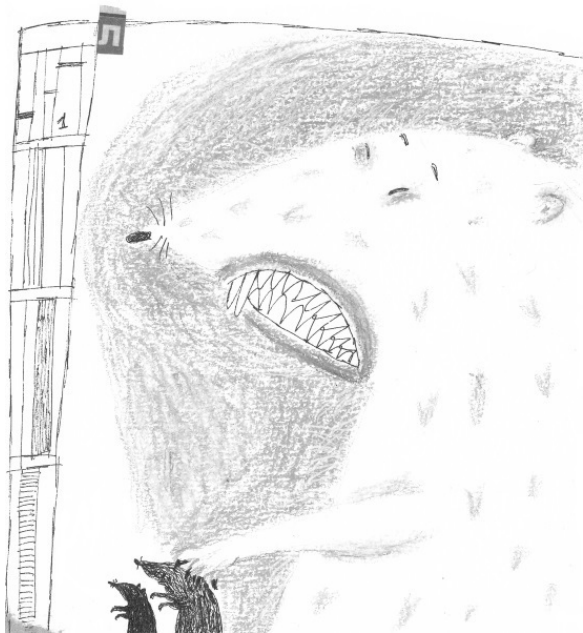
– Как Майкл Джексон? – вспомнил цыпленок свою «Программу».

– Я цыпленок, – сказал цыпленок. – Меня нарисовали.

– Изверги, – с чувством изрекла крыса. – Это ж надо сотворить такое! Даже сломанный коготь мерзкой пещерной гиены и то красивее тебя.

Цыпленок огорчился. Он-то считал, что он очень даже ничего, особенно зубы и бивни. И пулемет.

– Это пулемет? Это недоразумение, а не пулемет! Вот у меня в молодости был пулемет... когда я еще была мамонтом...

Привидение захихикало.

– А ты помалкивай! А то всем расскажу, чем ты по ночам занимаешься! – пригрозила крыса.

Привидение всплеснуло ручками и улетело за стеллажи.

– А чем? – спросил цыпленок. – И кто это такое светящееся?

– Про то тебе еще рано знать, – важно сказала крыса. – А то умрешь от ужаса.

– А эти, что под потолком висят, – они кто?

– А-а, эти... не обращай внимания, они несъедобные, я проверяла.

– А тут еще кто-нибудь живет?

– Да полно народу. Дом-то старый. От младшего абонемента вниз – тайный ход в чудские подземелья. Это раньше тут чужь жила, еще до людей. Потом люди пришли – чужь в гору ушла. В подземельях много кого встретить можно. Ты туда не ходи. А если по делу придется, то скажи, что от меня. Так и скажи: меня Вечная Изабелла послала. Изабелла – это мое имя. А Вечная – потому что живу вечно. Меня там уважают, и тебя не тронут.

– Ой, – поежился цыпленок. – Я не пойду туда, я лучше тут побуду. А в доме всегда так пусто?

– Нет, это называется выходной или праздник – когда людей в библиотеке нет. Только я, привидение, да еще кое-кто, хе-хе... А завтра ребятишки придут, библиотекари станут книжки выдавать. Раньше книжки были вкусные, на мучном клейстере, а сейчас химия сплошная. И это они называют прогрессом?

Тут раздалось: бом-бом-бом-бом – и так двенадцать раз.

– Полночь бьет, – задумчиво сказала крыса. – Сейчас что-то будет. В полночь, когда силы зла властвуют безраздельно, держитесь подальше от...

– Ой, Бэллочка, ты совсем запугала ребенка, – сказал скрипучим голосом большой кактус в углу.

Цыпленок вздрогнул. В программе телепередач было про клуб кактусоводов, но там не упоминалось, что кактусы разговаривают. Крыса Изабелла съежилась и дернула носом.

– Тетушка Магнолия, с Новым годом! – заискивающе сказала она.

– Сама такая, а чего врешь? Сие постыдно. Я давно сижу за кактусом и слушаю – совсем завралась, деточка! Мамонтом она будто бы была! Живет вечно! Смотри у меня! Укушу!

Из-за кактуса медленно выдвинулась крыса еще более облезлая, раза в полтора толще Изабеллы и на полхвоста длиннее. Крыса клацнула зубами – каждый зуб величиной с полпачки «Масла сливочного».

– Го-годзила снова напал на японские города, – растеряно сообщил цыпленок и нырнул за «Масло сливочное».

– Однако невместно врать такому юному отроку, тем более плоскому и бумажному, – сказала тетушка Магнолия. – Ты, Бэллка, еще слепым крысенком у мамки в норке пищала, когда я управляла здешними землями. Ай, как стыдно! Какая же ты вечная? Девчонка сопливая по сравнению со мной!

– Вам много лет, о великолепная мадам? – осмелился спросить цыпленок, выглядывая из корзинки.

– Сколь похвально таковое вежество у юного бумажного отрока! – похвалила Магнолия. – Али ты отроковица? Сра-

зу и не разберешь. Да, я уже немолода. Юным крысенком, исполненным неизъяснимой прелести и живости, играла я с малютками-динозавриками, только что вылупившимися из яиц. Климат тогда был не чета нынешнему – тепло, благостно... от прежних времен только вот этот кактус и остался. Августовскими ночами он цветет в полнолуние, и мы вспоминаем былые деньки, когда мир был еще молод, и Лучиэнь танцевала среди цветов болиголова... нет, это не отсюда. И птеродактили порхали над уральским морем, издавая сладостное пение.

– Они мерзко орали, – проворчала Изабелла.

– А ты не слышала, малявка, так и не говори! Укушу! – накинулась на нее Магнолия. – У тебя музыкального слуха нет! Птеродактили сладостно пели!

– Еще скажите – сладостно благоухали, – заметила Изабелла.

– Нет, этого я не скажу, – с достоинством возразила Магнолия. – Чего не было, того не было. Ихтиозавры резвились в изумрудных волнах, а тираннозавр... о-о-о, это невозможно забыть! Какая осанка! Какой прикус! И тогда...

Тут опять раздалось «Бом-бом-бом-бом» и опять двенадцать раз.

– Полночь бьет, – опять сказала Изабелла.

– Как, второй раз? – удивился цыпленок.

– А что? На всякий случай, вдруг в первый раз кто-то не услышал. Смотри, маленькое бумажное существо, смотри –

в библиотеке в полночь не скучно, хи-хи...

И цыпленок увидел, как из-за стеллажа с писателями на букву «Л» выдвинулось совсем потрясающее создание. Это безусловно была крыса, но какая! Еще больше Магнолии, абсолютно седая и холеная, шерсть расчесана волосок к волоску, голый хвост блестит, как лакированный, зубы отливают золотом и перламутром. Крыса опиралась на плечи двух молодых черненьких крысок, как на костыли.

– Это бабушка Изида, – шепотом пояснила Вечная Изабелла. – Она присутствовала при образовании нашей Вселенной. И, говорят, даже принимала активное участие в процессе.

– Добрый вечер, дорогие телезрители, – пробормотал цыпленок.

Седая крыса не удостоила его ответом.

– Она говорит только по-древнеегипетски, – сказала Вечная Изабелла.

– Какая пышная шерстка! – похвалил цыпленок. – Шампунь «Крысолов» с гранулами биологически активного мышьяка – ведь я этого достойна!

– Это парик, – еще тише прошептала Изабелла. – То есть искусственная шерсть, синтетика. Бабушка давно облысела напрочь.

– А как блестит хвост! – сказал цыпленок.

– Он покрыт лаком АС-405МВ – последняя разработка оборонной промышленности, – сообщила Изабелла. –

Предохраняет от воздействия атмосферных осадков и придает естественный блеск и живость.

– А зубы какие большие! – поежился цыпленок.

– Протезы, – пояснила Изабелла. – Металлокерамика. Покрытие – перламутр с острова Бали, а золото наше, местное, из Березовского.

Величественная древняя крыса, сверкая перламутровыми зубами, не помещающимися во рту, проследовала через всю комнату и скрылась за дверьми в старший абонемент. Цыпленок почувствовал, что очень устал.

– А третья полночь будет? – спросил он. – Еще кто-нибудь выйдет? А то я засну и пропущу интересное.

– Может, и будет, – ответила Изабелла. – Может, и выйдет. Кто предскажет что-нибудь точно в первую посленовогоднюю ночь?

– Врет она, – проскрипела Магнолия и спряталась за кактусом.

– Спи, малыш, – сказала Изабелла. – Я тебя не буду есть, ты невкусный от газетной некачественной бумаги и ядовитой типографской краски. Спи, я спою тебе колыбельную. Когда я была мамонтом, мама меня всегда убаюкивала так: «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, вот пещерный лев придет – тебе хобот отгрызет. Баю-баю-баю-бай, мамонтенок, засыпай, надо глазки закрывать, мы не будем вымирать...»

Цыпленок закрыл глаза.

Глава 8

Вампиры дачного кооператива

– Мама, я срочно соскучился по бабе Ире, – сказал Ванечка вечером. – Ты меня завтра утром перед работой отвези к ней, а вечером забери.

Мама хоть и работала учительницей, но каникулы на нее не распространялись – у нее было какое-то репетиторство и что-то еще столь же завлекательное. Ей, конечно, не хотелось до и после работы гонять за город и отвозить-привозить Ванечку. Но она немножко огорчалась, что сын явно больше любит папину маму, чем ее маму. И теперь ее обрадовало, что Ванечка хочет срочно повидаться с бабушкой Ирой.

– Изверг ты, Ванька, – вздохнула она. – Хорошо, отвезу утром. А вечером мы с папой за тобой заедем.

Вторая Ванечкина бабушка Ира вовсе не была деревенской старушкой и не жила в деревне. Она имела квартиру на другом конце города и работала «в кадрах». Что такое «в кадрах», Ванечка не очень понимал и раньше думал, что «в кадрах» – это значит киноактриса. Потому что кто все время в кадрах? Актеры. Баба Ира, услышав это, очень смеялась, но быть киноактрисой отказалась – у нее, дескать, нос большой, в актрисы не возьмут. А был бы у нее нос поменьше, так вся ее жизнь сложилась бы по-другому.

Теперь она была на пенсии, работала в своих таинственных «кадрах» на полставки в понедельник, вторник и среду. А с четверга по воскресенье жила за городом, на даче в дачном кооперативе «Клубничка». Она была зампредседателя кооператива и ответственная за энергетику. Это значит, когда в дачном поселке отключали электричество, бабу Иру посылали ругаться. Она ругалась не матерными словами, а ехидно и очень обидно, все электрики ее боялись и электричество тут же чинили. А когда один «электрический» дяденька ей что-то не починил вовремя, она такое ему прозвище залепила, что весь дачный поселок в лежку лежал от смеха и так теперь этого дяденьку и звал. Если бы дяденька был японец и самурай, он бы от позора тут же сделал бы себе сеппуку – это такое харакири, когда сам себе живот разрезаешь от нестерпимого стыда. Но дяденька был напрочь не японец, и дело обошлось без кровопролития – он просто уволился. Так что бабу Иру в дачном поселке все очень уважали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.